

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Всё СЛОЖНО

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

18+

Юлия Резник

Всё сложно

«Автор»

2026

Резник Ю.

Всё сложно / Ю. Резник — «Автор», 2026

Нет Нет. Какого черта ты делаешь? На что это похоже? Мое сердце колотится так сильно, что заглушает звук воды, текущей из крана. Пар оседает в легких, наполняет их тяжестью. Олег, ты спятил? мой голос дрожит. Нет. Но, кажется, до этого недалеко. Два года без Он не договаривает, бьет кулаком в стену. И судорожно всхлипывает, уткнувшись лбом мне в плечо. Она моя дочь! Вот и помоги ей. От его шумного, срывающегося от эмоций дыхания у меня шевелятся волосы. А ещё от осознания того, к чему он меня подталкивает. Лучше ты, чем какая-нибудь незнакомка, правда? Нет! отрезаю я жестко. Да. Саша, да В глубине души ты это понимаешь.

© Резник Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Резник

Всё сложно

Глава 1

«Сашка, ты сейчас умрешь...»

Несмотря на все старания игнорировать телефон, я все же успеваю краем глаза увидеть всплывшее на экране сообщение. Пишет Ленка Свиблова. Моя лучшая подруга. Ленка занимает должность главного редактора в Татлере. А потому с ней всегда интересно потрындеть. Мало кто в светской тусовке узнает сплетни раньше, чем их узнает она. И если Ленка говорит, что новость – топчик, значит, так оно и есть. Но сегодня у меня столько дел, что как-то не до этого. А тут еще такая погода...

Перевожу взгляд в окно, в которое жалобно скребет ветка старого, еще, может быть, довоенного клена. Будто дерево просится внутрь. Прочь от разгулявшейся непогоды и несвойственного здешним широтам ветра.

«Борька-то твой бросил свою зазнобу!»

Рука невольно тянется к битому жизнью айфону – давным-давно пора купить новый, но я все не найду времени. Сглатываю образовавшийся в горле ком. В душе что-то екает. Не так, как поначалу, конечно. Но все же. Одно радует, в конечном счете, верх одерживает здравый смысл, и я успеваю одернуть пальцы раньше, чем те касаются поцарапанного стекла. Не хочу, чтобы даже Ленка знала, что мне до сих пор не все равно.

Откатываюсь на кресле подальше от стола и встаю.

Как-то резко становится душно. Я дергаю на себя оконную створку, впуская в стерильный отфильтрованный воздух офиса аромат надвигающейся грозы, и стою так долго, делая глубокие вдохи, пока свинцовую серость неба не прошивают зигзаги молний. Никакие события в жизни Борьки, который, маленькое уточнение, давно уж не мой, не стоят того, чтобы меня убило разрядом тока. И да, я в курсе, что в современных домах вероятность попадания молнии практически сведена к нулю, но во мне до сих пор живет страх родом из босоного, пахнущего прибитой пылью и луговыми травами детства. Когда, стоило начаться грозе, бабуля загоняла нас с братьями в дом, и мы сидели там в сумраке, с выключенным светом и телевизором и слушали всякие страшилки о загадочных шаровых молниях.

С шаровой молнией я так за всю жизнь и не встретилась. Но выгорела все равно. Тому была масса причин. А началось все, конечно, с уходом Бориса.

Возвращаюсь к столу. Беру телефон и набираю прежде, чем успеваю передумать:

«Неожиданно».

«Это еще чего? Перебесился. И вовремя включил голову. Чего у Победного не отнять – так это мозгов. Уж поверь, он способен отличить соску от женщины, с которой неплохо бы встретить старость».

«Он с ней два года таскался», – устало замечаю я. К сиротливому скрежету ветки о стекло присоединяется стук дождя.

«И не с ней одной».

«Да, я что-то такое слышала».

«Ты как вообще?»

«Нормально».

«Пока не увижу своими глазами – не поверю. Давай через час в Пино».

С тоской гляжу в экран. Диджитал-стратегия, которую разработали мои специалисты, оставляет желать лучшего. Но вряд ли я сейчас найду какое-то свежее решение. К тому же выходной день. А я до сих пор в офисе. Какого черта?

«Со столиком можем пролететь. Суббота. Вечер».

«Ха! Ты, что, сомневаешься в моих способностях?»

«Ни в коем случае».

Из-за разыгравшейся непогоды такси приходится ждать дольше обычного. Но ехать на своих колесах в ресторан и не пить, когда душа сама того просит, глупо. Ценник на такси тоже конский. Что и неудивительно. В такую погоду больше вызовов и меньше машин. Дождь спустился такой, что того и гляди узкие улочки центра превратятся в амстердамские каналы. Ненавижу такую погоду. Она у меня, после ухода мужа, прочно ассоциируется с очередным жизненным Армагеддоном. К кому-то песец подкрадывается незаметно, а ко мне – с громом и молнией.

Такси к месту едет целую вечность. Город стоит в нескончаемых пробках. Мой офис располагается дальше, поэтому, когда я, наконец, добираюсь, Ленка ждет меня уже за столиком.

– Ну и погодка! – жалуюсь я. У стола с бутылкой игристого в руках возникает официант.
– Я тебе говорила – ты прелесть?

– Кто бы сомневался.

Я усаживаюсь в роскошное кресло и на секунду закрываю глаза, приходя в себя после долгого дня и забега под проливным ливнем. Звук разливающегося по бокалам вина – самый приятный за сегодняшний день.

– Ну, рассказывай. Знаю же, что тебе не терпится. – Прежде чем услышать сенсационную сплетню, делаю торопливый глоток. – Божественно!

– Решила, что по такому случаю мы можем себя и побаловать.

– За это и выпьем!

– Угу. За то, чтобы больше никакие малолетние дуры вам на пути не встречались.

– Нам?

– Почему нет? Борис ведь теперь свободен. Опять же, понял многое.

– О чем? – вздыхаю я.

– О том, как оно – жить с девицей на двадцать пять лет младше. Все, как следует, переосмыслил и...

– И что? Мне теперь его такого, образумившегося, принять с распростёртыми объятьями?

– Ну, почему сразу с распростёртыми? Можно помучить, чтобы походил, пообивал пороги, поунижался.

– Где унижения, а где Победный? Да и не в этом дело.

– А в чем?

– В том, что я его не люблю.

– Кака така любовь? Тебе что, снова семнадцать? Брось! Вам о другом думать надо. К тому же не мне тебе рассказать. Гуляют все. К чему тогда твой максимализм?

– Гулять, может, и гуляют. Но не все уходят. Тем более так, к другой. Обо мне ведь до сих пор говорят, как о его брошенке!

– А что, лучше бы так гулял?

– Иногда мне кажется, что это я бы как раз поняла и простила. Я ж не дура, Лен, знала, в какой среде он крутится. И, наверное, была готова, что рано или поздно он спутается с какой-нибудь прости господи. Пусти козла в огород... Так говорят, да? Ну вот. А то, что ушел... Что все разрушил, нет-нет, не о чем говорить, – отрезаю я, утыкаясь в меню. – Пусть теперь как-то сам. Без меня. Да и с чего ты взяла, что он вообще захочет вернуться?

– Неужели не было предпосылок? Ты его когда в последний раз видела?

– Сегодня. Он Мирона забирал к себе.

– Вы говорили?

– Нет. Я спешила. А, впрочем, о чем нам говорить? С тех пор, как Котька прошла последнее обследование, не о чем.

– Хорошо, что хоть там все благополучно.

– И не говори. Такого ужаса натерпелась, – отвлекаясь на подошедшего официанта: – Филе-миньон. И спаржу...

– Как она вообще?

– Ничего. Страдает по поводу лишнего веса, который набрала, когда... ну, ты поняла. Когда весь этот ужас случился.

Бедя никогда не приходит одна, и, как я уже сказала, уход Бориса был только началом. Все, что мне довелось пережить потом – гораздо хуже. Потому что о детях мы всегда переживаем намного больше, чем о себе. И что характерно, теперь поводов переживать по поводу своей единственной дочки мне хватит до конца жизни. Ей каждые полгода нужно проходить обследование. В последний раз я начала волноваться о том, каким будет результат, задолго до того, как у нее взяли анализ.

– Это не самая ее большая проблема.

– Да уж. Но ей об этом лучше не напоминать.

– Значит, нам скоро ждать новый клип? Или сразу целый альбом?

Моя дочь, Котька, певица. Ей всего двадцать, но Борька лет с пяти таскал ее по всяким конкурсам. Так что к своему нынешнему возрасту она действительно успела стать популярной. Точней даже к восемнадцати. Ведь потом она заболела и на некоторое время ушла в тень.

– Они с Борей над этим работают. Но, насколько я знаю, у них слишком разный подход к выбору репертуара. И в этом вся загвоздка.

– Ну, думаю, Котька его таки добьет. Умеет она вить из отца веревки.

– Этого у нее не отнять.

– Так ты точно к Победному не вернешься?

– Да что ты заладила! Мне всего тридцать восемь. Неужели, думаешь, я не найду себе кого-нибудь получше?

– Кого-нибудь – может быть. – Ленка с намеком на меня косится, а я не в силах выдержать ее взгляд, пристыженно отворачиваюсь. Тот раз был большой ошибкой. Нет, катастрофой, последствия которой мне приходится расхлёбывать до сих пор. – Кстати, тебя и после этого не отпустило?

– После чего?

– Естественно, после того, как ты сравняла ваш счет.

– Лен, ты забываешь, что к тому времени мы с Борисом были уже в разводе. Так что вряд ли это можно считать вендеттой.

– Ты могла бы к нему вернуться и изменить! – фантазия Ленки, подпитанная игристым, окончательно выходит из-под контроля. Я запрокидываю голову и смеюсь.

– Совсем, что ли, спятила? Чтоб я стала так утруждаться? Ради этого борова?

– Не скажи! Победный – крутой мужик.

– Ну, не знаю. С делами у него не шибко. Карантин ударил по концертной деятельности, а тут еще всякие ютуберы и тиктокеры в спину дышат всем тем артистам, в которых он вкладывался столько лет. Да что мы все о нем? Не хочу! Вот правда. Лучше ты еще что-нибудь расскажи.

Окончание фразы тонет в оглушающем раскате грома. Я вздрагиваю перепуганной сойкой. А Ленка, не заметив моего состояния, начинает травить свои байки. Про депутата, который так нажрался на охоте, что заблудился в лесу, и потом его искали с собаками, про то, кто с

кем сошелся и разошелся, про новую прочитанную книгу. Ее я тоже читала, поэтому мы пускаемся в спор. В общем, вечер проходит гораздо лучше, чем мог бы, учитывая такую погоду.

Все портит проклятый телефон.

Я беру его в руки машинально, потому что привыкла всегда быть на связи. А там два пропущенных от моего зятя. Руки в одно мгновение становятся влажными. Из-за этого, сколько ни тычу пальцем в экран, мне никак не удастся перенабрать его номер. Стараясь не показать подруге охватившей меня паники, вытираю руку о платье. Почему об него, боже? Есть же салфетка! Наверное, это какой-то инстинктивный, заложенный в нас самой природой жест. Телефон звонит опять, когда я как раз берусь за него, чтобы попробовать перенабрать его снова.

– Александра Ивановна...

– Да, Олег. У вас... что-то случилось?

Пауза. Долгая-долгая. За которую я, наверное, успеваю окончательно поседеть под несколькими слоями модного нынче окрашивания. Я до того взволнована, что даже это идиотское имя-отчество меня не бесит. Хотя обычно действует как тряпка на быка, ведь я, мать его, старше зятя всего на восемь лет! И это помимо прочего.

– Мы хотим к вам подъехать. Есть разговор. Вы дома?

– Нет. Я в Пино. Это срочно?

Снова пауза. А следом короткое:

– Да.

Я зажмуриваюсь. Кровь резко отливает от головы, мир перед глазами начинает раскачиваться и кружиться. Пытаюсь себя убедить, что все хорошо. Черт возьми, я ведь даже не в курсе, что они мне расскажут! Может, Котька придумала новую песню. Или они решили переехать в квартиру побольше. Да мало ли?! Но дождь за окном все усиливается... Гремит гром. А вы, наверное, помните, я говорила, что если к кому-то песец подкрадывается незаметно, то ко мне... Ну, да. С громом и молнией.

– Я только вызову такси.

– Эй! Ты чего, мать? Что-то не так?

– Надеюсь, что нет. Но у Котьки с Олегом ко мне какой-то разговор, так что я пойду, ладно? – бормочу, уткнувшись в приложение Убера. – Да где же эти чертовы машины, когда они так нужны?! – в отчаянии запускаю руку в волосы.

– Эй. Сашка, ну ты чего?

– Извини, нервы ни к черту. Ох, а вот и машина. Будет через пару минут. Я пойду...

Убегаю, забыв оплатить счет. Немного заносит. Хотя я думала, что протрезвела, едва увидела, что звонит зять. Мы так любим его называть по приколу. Ну, весело же – мне тридцать восемь и у меня есть зять. А еще мог быть внук. Или внучка. Уже больше года, как... Но не случилось.

Таксист припарковывается черт знает где. С таким ветром зонтик до лампочки. Так что я даже не пытаюсь его раскрыть. В машину сажусь вымокшей. В салоне прохладно, и меня начинает знобить. Едем по все тем же бесконечным пробкам. Я ерзаю. Водитель странно на меня косится. Может, думает, я в туалет хочу. Что, впрочем, тоже недалеко от правды. В общем, когда я приезжаю, машина Олега уже стоит у моего дома. Ключей у них нет. Поэтому дочка с зятем дожидаются меня в машине. Завидев, почти синхронно хлопают дверями. Я стараюсь спокойно идти, не бежать... Чтобы не выдать Котьке своей тревоги. А увидев выражение ее глаз, застываю. Перевожу беспомощный взгляд на Олега.

– Коть, что? Что-то случилось?

– Угу. Мы сделали дополнительные тесты, – моя девочка сглатывает. – Там не все хорошо.

Глава 2

– Тесты? Но как... Почему вы мне ничего не сказали?

Я недавно заметила, что в сложные моменты и моменты бессилия человеку всегда нужно во что бы то ни стало их для себя объяснить. Ну, или, на худой конец, найти крайнего. В этой ситуации крайний находится быстро. Олег. Перевожу на него злющий взгляд. Злоба – это тоже обратная сторона бессилия. Наверное, я уже могу по полочкам, лучше всяких психологов объяснить, откуда берутся наши эмоции. Проблема в том, что это не всегда помогает с ними справиться. Зачастую то, что нас жрет изнутри, все равно оказывается сильнее. Например, эта иррациональная злость... Он старше, мудрее, опытнее! Значит, именно на нем и ответственность.

– Мам, мы, что, будем говорить здесь?

– Нет! Нет, конечно, извини. Я сейчас, сейчас только... – открываю сумочку. Руки дрожат. Найти ключи среди извечного женского барахла – помад, пудрениц, салфеток, футляров от наушников и очков, кошелек, визитницы, зарядного и непонятно как затесавшейся в мою сумку фигурки от Лего, всегда непросто. А когда руки дрожат от ужаса, кажется, совсем невозможно.

– Дайте я, – звучит усталый голос. Олег забирает у меня сумку и находит ключи там, где они всегда и лежат. В потайном карманчике с замочком. Я кошусь на Котьку. Обнять ее? Или не стоит? С тех пор, как начался весь этот ужас, мою девочку одолевают крайности. Она то не выпускает мою руку из своей, даже когда спит. То кричит, что ей не нужна наша жалость. Ведь она не больная! И, конечно, Котька права, она действительно поправилась. Да только... что там они говорят про тесты?

– Папе я позвонила тоже. Он приедет сюда. Наверное, нужно, как-то его подготовить.

Я застываю в нелепой позе – одна нога согнута, в руке туфля. Тонко выделанная кожа разбухла от влаги. Жаль, если их придется выбросить. Туфли-то от Тома Форда. Мой мозг готов ухватиться за любую глупую мелочь, лишь бы не думать о самом страшном.

– К чему подготовить, Коть?

Я выпрямляюсь, дергаю плечами, чтобы стащить плащ. Мне на помощь приходит зять. Его руки всего лишь касаются одежды, но я вздрагиваю.

– Обычная вежливость, – невесело усмехается он, когда я оборачиваюсь, и разводит руками. Эти взмахи создают колебания в неподвижном воздухе просторной прихожей. Меня обдает легкой волной. Намокшая ткань противно липнет к телу.

– Спасибо, Олег, – замечаю с вымученной улыбкой, чтобы не казаться совсем уж стервой.

– Коть, ну, что ты молчишь?! Я же с ума сейчас сойду. Ну?!

– Опухоль вернулась.

– Как же так? Вы уверены?

Да-да, глупый вопрос. Просто мне не хочется верить. Котька закатывает слезящиеся глаза.

– Нет, мам, это мне делать нечего, вот я тебя и прикалываю.

Растираю лицо ладонями. Соберись, Сашка, твою мать! Просто соберись... Кто, как не ты, сможет?

– Мам, ты ж не плачешь, нет? Потому что оплакивать меня раньше срока не стоит.

– Не пори чушь, Котька... Я просто растерялась. Они же сказали, что риск снижается, через полгода. А прошло уже сколько? Считай, почти полтора.

– Вот такая я везучая! – Котька все-таки не выдерживает и на последнем слове ее красивый, хорошо поставленный голос срывается. Вся такая взрослая, вон, даже замужняя, моя

маленькая большая девочка обнимает меня. Утыкается потекшим носом мне в грудь – Котька непонятно в кого у нас маленькая и фигуристая. Хотя последнее, может, в отца. Тот с лишним весом борется столько, сколько я его помню. Так вот, она утыкается в мою грудь и начинает горько реветь. И там, где от ее слез на моей блузке образуется еще одно пятно, все горит. Мучительно, до агонии... Что мне тоже хоть вой! Но что будет, если и я расклеюсь? Нельзя. Нельзя... Тем более, права Котька. Рано ее оплакивать. В медицинских статьях, которые я изучила, на русском языке написано – вероятность полного выздоровления с сохранением репродуктивной функции составляет аж тридцать процентов. А если эту самую функцию не сохранять, то и вовсе... Нет! Нет, конечно. Мы сначала попробуем обойтись малой кровью. Я, конечно, была в ужасе, когда узнала, что вот-вот стану бабушкой, но лучше бы уж та беременность Котьки закончилась рождением ребенка, чем пузырьным заносом.

– Девочка моя хорошая... Солнышко...

– Я сейчас. Прости. Сейчас успокоюсь.

– Не спеши. Лучше выплачь все, чтобы потом все силы бросить на борьбу. Что, мы с этим не справимся? Да еще как! Котька... Котенька моя... Мое маленькое солнышко.

Укачиваю свою малышку, как тогда, когда ей было несколько дней от роду. Она тоже плакала. Орала – откуда только силы брались в таком изящном, без капли хоть какого-то подкожного жирка тельце? Я таскала ее на руках, пока Борька мотался по стране в попытке обеспечить нам достойную жизнь, и то горячую пеленку к ее животику прикладывала, то капала только-только появившийся в продаже эспумизан. И пыталась сама не разреветься. Потому что к такому меня, восемнадцатилетнюю пустозвонку, жизнь не готовила.

– Не могу плакать! Папа этого не вынесет.

Папа... Ну, да. Несмотря ни на что, Котька – папина дочь. Она всегда волновалась о нем больше, чем обо мне, родной матери. А я утешала себя тем, что большинству девочек ближе папа.

– Олег, сделай нам, что ли, чая? А может, Коть, ты хочешь есть? Ты как вообще себя чувствуешь?

– Нормально, – кукольные губки Котьки кривятся, дрожат. Та их горестно поджимает, не слишком успешно пряча свои эмоции. – Потому вдвойне обидно! Может, если бы мне было плохо, я бы смогла как-то подготовиться, а так...

Котька падает на стул и опускает голову на сложенные поверх стола руки. Если что ей от меня и досталось – так это волосы. Шикарные черные волосы. Теперь и их не станет.

– Вам уже предложили какой-нибудь план?

О том, чтобы у Котьки были самые лучшие врачи, мы с Борисом позаботились, еще когда узнали о том, что никакого ребенка у Котьки не будет. Что вместо эмбриона в ее чреве паталогически разрастаются ворсины хориона. И, если не принять мер, угрожают ее убить.

– Да. Конечно. Они предложили химию.

Котька вновь поднимает голову и, закусив губу, косится на мужа. Наверное, она думает о том, что в противном случае не сможет родить ему ребенка. И выход с химией кажется им оптимальным. Если бы мы были одни, я бы попыталась убедить дочь, что уж по этому поводу ей нужно волноваться меньше всего! Но мы не одни. Мой зять стоит, подперев задницей подоконник, и напряженно следит за нашим с ней разговором.

Если честно, я думала, он сбежит, как только Котька загремела в больницу.

И то, что он все еще здесь – дорогого стоит. По крайней мере, моего уважения, уж точно. Им нелегко пришлось. Ей. И ему тоже. Потому что характер у Котьки сложный. Болезнь далась ей нелегко. Не удивлюсь, если она вынесла Олегу весь мозг.

– И когда это все начнется?

– Немедленно.

– Да, чем раньше, тем лучше. Ну, ничего. Я буду рядом. Мы...

– Мам...

– М-м-м? – принимаю из рук зятя чашку. Стараюсь не дышать, чтобы он не почувствовал перегара. Хотя, господи боже мой, мне тридцать восемь лет, и я могу выпить с подружкой в субботу!

– Собственно, мы поэтому и хотели с тобой поговорить.

– Да? Я думала, вы хотели рассказать о диагнозе.

– И это тоже. Но вообще мы бы хотели попроситься пожить у тебя.

Я давлуюсь чаем. Закашливаюсь. Котька, глядя на мои выпученные глаза, смеется.

– Пожить? Кхе-кхе... А чем тебя не устраивает ваша квартира?

– У твоей более удачное расположение. Она ближе к больнице. Понимаешь, я не хочу туда ложиться! Да и врачи не видят в этом никакой необходимости. Пока вполне можно обойтись дневным стационаром. Дома-то и стены лечат, – повторяет Котька явно за кем-то старшим.

– Ты уверена, что тебе не требуется круглосуточное наблюдение врачей?

– Я ж не инвалид! – обижается Котька. – Ты что, против, я не пойму? Если так, то...

– Нет-нет! Что ты. Я не против. Просто это так неожиданно...

– Может быть, мне понадобится твоя помощь. В уходе... – Эта часть разговора дается Котьке нелегко. Оно и понятно! – Вдруг я плохоотреагирую на химию. Вдруг меня будет тошнить...

Мой взгляд невольно возвращается к застывшему у окна зятю.

– Это была не моя идея. Я бы смог ухаживать за Катей сам.

– А как бы ты работал?! – возмущается Котька.

– Александра Ивановна, насколько мне известно, работает тоже.

Чувствую, как мои скулы обжигает стыдливый румянец. Чертов засранец! Еще бы ты не знал... Ты же сам ко мне обращался! К моим услугам... Нет-нет. Это лучше забыть, как страшный сон.

– Вдвоем вам будет легче. Можно даже составить какой-то график. Плюс папа тоже в стороне не останется. Сможет меня подвозить. Врач сказал, что после химии мне за руль нельзя.

– Ну, еще бы.

Обсуждение бытовых вопросов разбавляет повисшее в комнате напряжение. Я прячусь за чашкой чая. Котька замолкает, мрачно думая о чем-то своем. Становится тихо-тихо, и только дождь стучит по водостоку. Размеренно и печально. Как реквием.

Фу ты! Какие глупости лезут в голову... Хорошо, что кто-то звонит в дверь. Появляется повод отвлечься.

– Это, наверное, папа.

Угу. Только встречи с ним для полного счастья мне и не хватает.

– А Мирон? С ним приедет? Он не говорил? – кричу я, нажав на кнопку домофона.

– Нет. Папа сказал, что на время закинет его к бабуле. Наверное, не хочет, чтобы он расстраивался.

Наверное. Да только вряд ли этого удастся избежать, если мы станем жить в одной квартире. Все равно он поймет, что с сестрой что-то не так. И начнет спрашивать. Уж больно любопытен наш мальчик. Я глубоко вздыхаю. И в который раз за этот безумный день прячу лицо в ладонях. Это тоже привычка из детства. Кажется, если ты не видишь проблем, то их вроде бы как и нет.

Думай, Сашка, думай. Предложение Котьки – вполне здравомыслящее. До больницы отсюда действительно два квартала. И, конечно, будет великолепно, если моя помощь дочери не понадобится. Если она сможет сама вставать в туалет, купаться и кушать! А если нет?

«Это была не моя идея. Я бы смог ухаживать за Катей сам»...

Ага. Но интересно, насколько бы его хватило? Уж лучше я этим займусь. С другой стороны, каждый день видеть его в своем доме...

Мои размышления прерывает звук открывающейся двери.

Борис заходит в квартиру, нет, точнее врывается ураганом. Подавляя своей кипучей энергией все вокруг. Цепкий взгляд, взгляд которому знакома каждая клеточка на моем теле, каждая складочка и залом, проходится по моему лицу. Он наклоняется, обдавая меня ароматом никогда не меняющегося парфюма, дождя, намокшей шерсти и целует, прежде чем я успеваю отшатнуться. Нет, это не прям поцелуй-поцелуй. Это банальное приветствие. Двух близких людей, которые стали чужими.

– Привет. Что тут у вас случилось?

– У Котки осложнения. Нужно сделать химию.

– В смысле? У нее рак?! – он ловит мое запястье одной рукой, а другой – дергает вниз узел галстука. Может быть, ему стоит выпить что-то сердечное. Чего у Победного не отнять – так это того, что он действительно любит детей. Хотя появление Котки он, как и я, не планировал, долгое время, да и сейчас, он был ей и остается хорошим отцом. Ну и, конечно, Мирону, которого мы родили вполне осознанно, спустя почти десять лет.

– Мы же были к этому готовы, так?

– Но я... – на лице Бориса проступает не свойственная ему растерянность. Он ведет рукой с короткими массивными пальцами по все еще темной и густой шевелюре. И за это время успевает взять себя в руки. Таким, все знающим, непрошибаемым, дерзким, умеющим разрулить любую проблему, я его и знаю. В тот момент я поддаюсь слабости... Осознавать, что в этой битве я не одна – приятно.

– Олег тоже здесь?

То, что у «этого» появилось имя, говорит о том, что и мой бывший муж оценил-таки зятя. Когда Котка нам сообщила о своей беременности, Борис никак иначе, как «этот», его не величал. Олега он воспринимал как конкурента на место в сердце дочери. То есть как своего заклятого врага, с которым он по какой-то причине должен заключить перемирие.

– Ну, а где ему быть? – шепчу, перед тем как вернуться в кухню.

– И то так, – бурчит под нос Борис, заходя за мной следом.

Глава 3

– Папа!

– Привет! – Борис подхватывает бросившуюся ему в объятия дочь, сжимает ее плечи в широких ладонях. И лбом утыкается в макушку.

– Мама тебе уже сказала? – Котька с надеждой глядит на меня. Да-да, я в курсе. Самой ей о таком с отцом говорить тяжело. Собственно, поэтому я и поспешила вмешаться.

– Рассказала. Но почему ты сама молчала? Мы же виделись и на студии, и потом. Партизанка!

– Не хотела беспокоить. Мне хватило прошлого раза.

– А что было в прошлый раз?

– Вы своим волнением накрутили меня до чертиков!

– Вот еще, – отмахивается Борис и угрожающе добавляет: – Еще раз так сделаешь – надеру тебе жопу.

– Врешь ты все! – ничуть не испугавшись, смеется Котька. Отходит от отца и, нырнув в объятия мужа, высокомерно задирает нос: – И вообще не имеешь права. Я взрослая!

– Ага. А как же «я тебя породил, я тебя и убью»? Забыла, что ли, Тараса Бульбу?

Борис переводит взгляд на меня. Не знаю, о чем думает он. Разучилась читать его мысли. Но сама я возвращаюсь в то время, когда Котька родилась. И даже дальше... В день, когда мы познакомились с ее отцом, положив тем самым начало всей этой истории.

В первый раз я увидела Бориса в клубе, куда мы со школьными подружками смогли попасть по большому благу. Победный уже к тому моменту был достаточно известным. По крайней мере, в тех кругах, где мы вращались, так точно. У него было две популярных рок-группы. Ни петь, ни играть на инструментах Борис не мог. Зато он обладал безошибочным чутьем в плане выбора репертуара и большими организаторскими способностями. Музыканты перед ним выстраивались в очередь. И, конечно, девчонки. Мало кто в двухтысячные не мечтал стать звездой. А Борис знал, как это сделать. Про таких обычно менее пробивные и удачливые говорят, мол, залезет без мыла в жопу.

Если честно, вокруг него вилось столько баб, что я до сих пор не понимаю, почему он обратил внимание на меня. Может, все дело в том, что я была выше большинства из них. Или потому что не стремилась продемонстрировать все прелести своей фигуры сразу. На мне были джинсы и водолазка под горло. На фоне гламурных размалеванных девиц в стразах и мини я действительно выделялась.

Ему же произвести на меня впечатление было легко. Борис казался мне таким взрослым и искушенным, что я буквально в рот ему глядела. А как он двигался под «It's my life» Bon Jovi?! Это же вообще что-то сумасшедшее. В нем чувствовались драйв и безумная энергия. Тогда было вообще не принято, чтобы парни танцевали, а Борис плевать на это хотел и, наверное, этим притягивал. В глаза бросалась его внутренняя свобода. Он отрывался по полной, приковывая к себе взгляды. А еще мне, конечно, льстило, что такой парень из всех выделил меня.

Много раз, после нашего развода, я задавалась вопросом, как так вышло, что я, воспитанная в достаточно строгих традициях девочка, так быстро под него легла. В конце концов, я пришла к выводу, что к этому меня подтолкнул страх. Уже тогда я понимала – Боре не составит труда найти кого-нибудь поговорчивее, если я сама не стану такой. Честно, я вообще не уверена, что мы бы оставались вместе, если бы я практически сразу же не залетела.

Интересно, теперь он хоть когда-нибудь танцует? Под Bon Jovi. Или кого-то еще...

– Мам...

– М-м-м? – ословело моргаю, возвращаясь в реальность.

– Я говорю, мы, наверное, пойдем. У Олега завтра важное совещание, к которому ему нужно подготовиться.

– Да, конечно. Когда вас с вещами ждать? – вымученно улыбаюсь.

– С какими еще вещами? – вступает в разговор Борис.

– Ой, я тебе не сказала, да? Мы у мамы пока проживем. Так удобнее выстраивать логику.

– И как вы здесь все разместитесь?

Почему-то вопрос бывшего меня злит. Да, до развода мы жили в огромном особняке за городом. И, может, моя нынешняя квартира не сравнится с ним, но... Я купила ее сама, на собственные деньги. Не взяв с этого урода ни копейки отступных! И если его что-то не устраивает в моей жилплощади, то лучше бы ему держать свое мнение при себе.

– Я освобожу им свою спальню, а сама переберусь в кабинет.

– Мам, мы не хотели выживать тебя из твоей спальни!

– Это временно. К тому же, в противном случае, вам действительно будет негде расположиться.

– Мы могли бы спать в гостиной. – Котья с сомнением пялится на виднеющийся в дверном проеме диван.

– Она проходная. Не чуди. Все нормально.

– Правда?

– Ну, конечно. В кабинете у меня хороший диван. Там даже матрас какой-то ортопедический.

– Тогда мы завтра и переберемся.

– Отлично. Я как раз свободна весь день.

– А как же твои фитнес-клуб и йога?

– Ничего со мной не случится, если я разок пропущу занятие.

– Это точно! – Котья завистливо вздыхает. – Фигура у тебя – отпад. Подтвердите!

Я не знаю, от кого она ждет подтверждений, от отца или мужа, но, черт его дери, все равно краснею.

– Я много приседаю. И, кстати, давно зову тебя ко мне присоединиться.

– Я и спорт – понятия несовместимые, – морщит Котья нос, – хотя, если я еще хоть немного поправлюсь, может, и придется.

– Ты красавица! – горячо возмущаюсь я.

– Угу, – мямлит Котья и следом, будто кое-что вспомнив, щелкает пальцами. – Извините, нам с мамой нужно посекретничать. – А потом хватает меня, как в детстве, за руку и тянет за собой. Останавливаемся мы лишь в самом конце коридора.

– Что такое? – удивляюсь я.

– Ты уже слышала?!

– Что?

– Папа бросил эту малолетнюю шлюху.

– Котя!

– Ой, мам, перестань! Мне уже двадцать лет.

– Это не дает тебе право так отзываться о... эм... избранницах отца.

– Ты серьезно?! Избранницах? Мам, камон! Я слышала, как ты ее называла в разговорах с подругами.

– Это другое! – душно краснею я.

– Ай, ладно. Неважно. Я вообще ведь о другом. Может, тебе стоит поговорить с ним? Ну, знаешь, поддержать. Сходить куда-нибудь, вспомнить молодость...

– Мне тридцать восемь, Котья. Молодость у меня в самом разгаре.

– Ты поняла, о чем я!

– Не совсем. Хочешь, чтобы мы с твоим отцом помирились?

– Почему нет? Ты одна. Он один... – Котька с намеком шевелит бровями. – Я подслушала, как он говорил дяде Косте, что развод с тобой был большой ошибкой. А дядя Костя ему знает что на это ответил? Что упустить такую горячую бабу мог только дурак. Так и сказал! И я с ним согласна. Ты у меня, мамуль, вообще огонь.

Комплимент Котьки заставляет меня вымученно улыбнуться. Я отвожу глаза в сторону и натыкаюсь на безэмоциональный взгляд зятя. Интересно, как много успел он услышать? Обсуждали ли они с Котькой наше потенциальное воссоединение с Борисом? Наверняка... Господи, как же неловко!

– Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет, – бормочу я, чтобы не разбивать Котькины мечты так уж сразу. Если ее греет мысль о нашем воссоединении с Борисом, если она приносит ей радость – пусть. Моей девочке сейчас, как никогда, нужны положительные эмоции.

– Мам, ну ты чего? Мы сейчас уйдем. Вы останетесь одни... Когда такое было в последний раз? До моего рождения? – брови Котьки исполняют причудливый танец. Тут и намек, и сарказм, и вызов.

– Кать, думаю, Александра Ивановна все поняла. Я правда спешу.

– Ой, прости! – Котька суетливо одевается, и совсем скоро за нею с мужем закрывается дверь. Мы остаемся в квартире вдвоем с Победным. И впрямь впервые за долгое-долгое время. Спрашивается, какого черта он решил задержаться? У меня, может, последний свободный вечер. Который я смогу провести в одиночестве. А тут он. И дождь. И чертовы воспоминания.

В действительность меня возвращает звон посуды. Это еще что? Иду на звук. Победный достал из моего! холодильника жаровню и теперь выкладывает на тарелку голубцы. В нем всегда просыпается аппетит, когда он нервничает. Аппетит к еде. Или к сексу. Стоит об этом подумать, и у меня начинает сладко сжиматься низ живота. Это рефлекс. Чертов рефлекс. Не более.

– Приятного аппетита! – рявкаю я, с грохотом закрывая жаровню крышкой.

– Ой, мне стоило спросить, да?

– Да. Какого черта ты хозяйничаешь в моем доме?

– Ты что, никак меня не простишь?

– А ты только сейчас решил это обсудить? Неужели появилась какая-то причина?

Аппетит Победного не может испортить даже скандал. Он демонстративно ставит тарелку в мою! микроволновку и, отвернувшись к ней, замечает:

– Значит, ты в курсе новостей? Ленка донесла?

– Уже поздно. Ешь и уходи. Не стоит давать детям повод...

– Повод для чего?

– Повод думать, что мы можем помириться.

Микроволновка дзынькает. Победный вынимает тарелку и ставит на стол. Ненавидя себя, я достаю из холодильника сметану – голубцы он любит есть так. И подаю приборы.

– Я разговаривал с Мироном по поводу учебы в Англии.

Замираю с занесенной над чайником рукой. Мы много раз это обсуждали. И, может, я в самом деле какая-то несовременная, но мне сложно представить, как можно отпустить от себя десятилетнего сына в чужую страну, пусть даже для получения образования. Наливаю в чайник воды и щелкаю кнопкой:

– Ты знаешь, как я к этому отношусь. Мое мнение не поменялось.

– Если Котьке придется туго, это может стать лучшим выходом.

Я понимаю, на что он намекает. И почти ненавижу его за это. За то, что он допускает саму мысль о таком.

– Мы сделаем все, чтобы этого не случилось.

– Да. Но не факт, что нам это удастся.

– Даже слышать ничего не хочу.

– Черт его дери! Я не господь бог! Все, что я хочу – иметь план. План на случай, если что-то пойдет не так.

Знаете, что я поняла, дожив до тридцати восьми лет? Что все наши планы на жизнь – полная херня. Создание видимости контроля там, где от нас на самом деле ничего не зависит. Просто потому, что осознавать последнее – все равно, что смотреть в глаза бездне.

– Вот если что-то пойдет не так, тогда и будем решать.

– Даже не спросишь, что на этот счет думает Мир?

– О, уверена, ты сумеешь ему внушить, что думать...

– Я не давил на него! Он сам загорелся этой идеей. Подумай, Саш. Впереди лето, и время на это есть.

– Мое решение не изменится.

– Так и будешь держать парня у своей юбки?

– Ты забываешься, Победный.

Моему голосу недостает силы. Я чертовски устала, от выпитого с Ленкой начинает болеть голова. Хочется вымыться, выпить таблетку и забыться хотя бы до утра.

– Я говорю правду. И ты это прекрасно знаешь.

– Что я знаю?

– То, что ты банально боишься остаться одна. Совсем одна, да, Саша? Именно поэтому ты никуда Мира и не пускаешь.

Он бьет по больному ногами. Я опускаю голову, делая вид, что хочу добавить сахар в свой чай. Хотя Борис прекрасно знает, что я его не употребляю уже лет восемь. Я сейчас могу дать слабину. Сказать что-то вроде «Поел? Тогда убирайся!», а вместо этого я демонстративно сексуально облизываю ложку и, округлив глаза, невинно интересуюсь:

– А с чего ты взял, что я одна, Борь?

Темные глаза Победного превращаются в две маленьких щелочки, через которые на меня глядит тьма...

– Хочешь сказать, что у тебя кто-то появился?

– То, что я не выпячиваю на каждом углу свою личную жизнь, еще не означает, что у меня ее нет, – ухожу от прямого ответа. – Меня пока миновал кризис среднего возраста, знаешь ли. Нет необходимости доказывать всем и каждому, что я еще о-го-го, при помощи малолетки рядом.

– Думаешь, мне хотелось что-то доказать?

– Я вообще о тебе не думаю.

Кажется, уже сказано все. И сделано. Он доел. Мы обменялись уколами. Словом, выполнили обязательную программу. Теперь можно и уходить. Но почему-то он не торопится. Смотрит на меня злыми глазами. И как будто чего-то ждет.

– У тебя правда кто-то есть?

– Ну, это же просто смешно, Борь, – я действительно вполне искренне смеюсь. Все-таки мужики – это нечто. Ну, еще бы. Так-то он у меня первым и единственным в общем зачете числился. И, вероятно, ему это как-то льстило.

– Кто? Я его знаю?

– Отвали, Победный. Ты давно утратил право задавать такие вопросы.

– Так это месть?

– Стоп. погоди. – Я дурашливо прижимаю ладонь к груди. – Я сейчас скажу кое-что страшное, – делаю театральную паузу. – Мир не вращается вокруг тебя! Прикинь?

– Я понимаю, что обидел тебя и...

- Борь, к чему этот разговор? Ну, обидел и обидел. Мы давно через это перешагнули. Что толку вспоминать? Мне правда сейчас не до этого.
- Просто хотел, чтобы ты знала. Мне жаль.
- Хорошо. Теперь я знаю. Все? Можно я тебя провожу? Я в самом деле очень устала. Победный хмурит брови, но встает из-за стола. Вот и славно.

Глава 4

Мечта как следует выспаться в единственный выходной идет крахом. Всю ночь я верчусь с боку на бок, лишь к утру забываюсь коротким тревожным сном, но уже в начале восьмого вновь просыпаюсь. В окно льется солнце – зря я не зашторила окна. Хотя, может, солнце – тот самый добрый знак, которого мне так не хватало.

Плечусь на кухню, включаю кофемашину, а потом забираюсь с ногами на подоконник и сижу так, неспешно попивая любимый латте. Вероятно, теперь я не скоро так посижу. Удивительно, как я, в общем-то, привыкшая к большой толпе в доме, так быстро от этой самой толпы отвыкла. Ладно, Котька... Но Олег. Ч-черт.

Я отставляю чашку и, оглядевшись, как воришка, по сторонам, ныряю в шкафчик, где под ворохом кружевных салфеток, скатертей и запаса губок для мытья посуды хранится пачка старого доброго Парламента со спрятанной внутри зажигалкой. Включив вытяжку на полную мощность, подкуриваю.

Вы, наверное, удивитесь, но Олега я узнала даже раньше Котьки. Он пришел к нам на переговоры в компании двух своих партнеров и был настолько тих, что я решила, будто он среди них – далеко не самый важный. Да, тут я дала маху. Что неудивительно, ведь в тот период жизни я была не в себе. Привычный мир рухнул прямо на голову, а отстроить новый мне еще было не по силам. Я чувствовала себя абсолютно беспомощной. Уязвимой по всем фронтам. Самым мерзким в измене Победного было то, что он заставил меня сомневаться... И не только в том, что касается чисто женской привлекательности. Я усомнилась вообще во всем. Даже в своей компетентности. Я принимала какое-то решение, утверждала план и тут же начинала что-то менять, править, черкать... Это мне Олег и предъявил, выбрав для этого далеко не самый удачный день. День моего развода. Тогда тоже шел дождь. Хлестал вперемишку со снегом, маленькими белыми осами жалил щеки. Я приехала к назначенному времени к зданию суда. С трудом втиснулась между двух припаркованных машины и насилу дошла до крыльца по обледелой дорожке. Там меня и догнал Борис.

– Саш!

– Привет. Как думаешь, мы сегодня с этим покончим?

Победному мой вопрос как будто бы не понравился. Он запыхтел за моей спиной, толкнул дверь, и нас обдало ароматом пыльных дорожек, истлевшей бумаги и чистящего средства с лимонной отдушкой.

– Не понимаю, к чему такая спешка.

Он серьезно не понимал. Мне же в этом вопросе все было предельно ясно... Я знала, что если не положу этому конец сама, так и буду сидеть в ожидании, что он вернется. В носу предательски заципало.

– Что толку тянуть? К тому же я собираюсь купить квартиру и не хочу, чтобы ты смог на нее претендовать.

Глаза Борьки сузились. Он был ярости. До этого финансовые вопросы мы не обсуждали. Что, наверное, странно. Ленка кричала, что другая бы на моем месте первым делом затронула как раз эту тему.

– А на что будешь претендовать ты?

– Разве я заявляла какие-нибудь имущественные требования?

– Это можно сделать и после развода.

– Расслабься, Борь. Мне от тебя ничего не нужно. Ты только скажи судье, что не возражаешь против иска, окей? – Чтобы на него не смотреть, я зачем-то открыла сумку. Отыскала зеркальце, поправила чуть размазавшуюся в уголке глаза тушь. Я хорошо выглядела, и знала

это. Мне, как и всем женщинам, было не чуждо тщеславие, в тот день я постаралась выглядеть лучше, чем когда либо. Насколько это возможно, исхулав на нервной почве и заработав черные круги под глазами от недосыпа.

– А дети?

– А что они?

Красная помада – мой камуфляж. Я захлопнула зеркальце и сунула его обратно в сумку.

– Как мы решим вопросы опеки?

– Ну, с детьми, я надеюсь, ты не разводишься? Так что нечего решать.

– И запрещать видаться нам ты не будешь?

То, что он мог в принципе обо мне так подумать – смешно. Мстить мужику за счет благополучия собственных же детей – мелко и недостойно. Я даже не стала это комментировать. Лишь с намеком вздернула бровь. Тогда мы еще не разучились говорить взглядами. Победный все понял верно. Ему даже хватило совести смутиться.

Через пять минут нас пригласили в зал, а еще через три – развели.

Я хорошо держалась. Внешне... А то, что творилось внутри, было только моим. Отвесив на прощание Победному воздушный поцелуй, я вернулась в машину, сцепив зубы, запрещая себе эмоции, отъехала на пару кварталов, чтобы Борька ничего не заподозрил. И разревелась, только когда снова припарковалась у торгового центра. Я чувствовала себя такой потерянной! Такой несчастной... Ведь из своих тридцати шести лет я половину жизни провела с мужчиной, который теперь стал совсем чужим. Рядом с этим мужчиной я выросла в ту Александру Победную, которой меня все знают. Красивую женщину, заботливую мать, классного профессионала. А теперь... Кто я теперь? Кто...

Домой – в съемную на скорую руку трешку, не хотелось. Поэтому, когда мне более-менее удалось совладать с собой, я поехала в офис. Прошмыгнула к себе в кабинет, нерешительно застыла у шкафчика, где для клиентов хранила выпивку на любой вкус. Скосила взгляд на часы – до конца рабочего дня оставался какой-то час, поэтому я с чистой совестью плеснула себе коньяка. Специально освободив этот день от совещаний и встреч, я, естественно, не ждала посетителей. А потому появление Олега в офисе стало для меня полнейшим сюрпризом. Как и обилие у него скопившихся вопросов и претензий к нашей стратегии продвижения его нового проекта. Большого жилищного комплекса класса люкс. Правда, благодаря окутавшему меня туману, большинство из этих самых претензий проходили будто сквозь меня. Он горячился, что-то говорил о поджимающих сроках... Ругал наши слишком медленные, как ему казалось, темпы. И я только и могла, что время от времени вставлять что-то вроде:

– Но, постойте, Олег... Настолько эксклюзивный продукт нельзя рекламировать в «бросовых» сайтах, так как это сильно вредит имиджу застройщика. Да, на анализ уходит время, но, поверьте, потом вы нам скажете спасибо. К тому же мы с вашими партнерами обсуждали, что никакого широкого обхвата здесь просто не может быть!

Я говорила чистую правду.

– Да, но... Черт. – Он зарылся рукой в модно подстриженные волосы и дернул пуговички на воротничке. – Как-то я рассчитывала на...

– Скорый результат.

Олег кивнул, развернулся и увидел стоящий у меня на столе стакан.

– Что-то празднуешь?

Пропустив, когда мы с ним перешли на ты, я растерянно кивнула:

– Можно и так сказать.

– Разве праздновать не веселее в каком-нибудь более подходящем для этого месте?

Черт. Я подумала, что, наверное, кажусь ему жалкой. Мне вообще тогда казалось, что весь мир кружится вокруг меня и моего развода. Что стоит мне войти в помещение, и все

начинают шептаться – «О, смотрите, да это же Саша Победная! Ты слышал, от нее ушел муж? Ага. Нашел себе помоложе».

Я разозлилась. Неуклюже выбралась из кресла.

– У вас ко мне есть еще какие-нибудь вопросы?

Выпила я немного, но на голодный желудок и этого было достаточно.

– Пожалуй, только один. Как ты смотришь на то, чтобы провести со мной этот вечер?

Я резко обернулась. И уставилась в красивые голубые глаза. Наверное, не пострадай моя самооценка так сильно, я бы сразу заметила, что претензии, озвученные Олегом, просто высосаны из пальца. И еще тогда бы поняла, что на самом деле за его визитом стоял банальный мужской интерес. А так дошло, лишь когда он едва ли не влоб мне его озвучил.

«С ума сойти! Он же младше... Да, не на много, но... А, впрочем...» – мысли путались у меня в голове. Я стояла, глупо приоткрыв губы, и никак не могла поверить, что этот молодой жеребец в самом деле мне предлагает... А, собственно, что?

– А что ты хочешь мне предложить?

Олег обаятельно улыбнулся.

– Выбор за тобой. Чего бы тебе хотелось?

«Сравнять счет!» – поняла я, ни секунды в том не сомневаясь. Дыхание оборвалось. Сердце замерло, сжалось и камнем ухнуло в пятки. Я смочила языком пересохшие губы и впервые посмотрела на Олега другими глазами – высокий, с хорошей фигурой и приятным лицом. Молодой, но уже явно искушенный. Не давая себе передумать, я подошла к шкафу и достала пальто. Он же, проявив несвойственную его возрасту галантность, забрал его из моих рук и помог одеться. А потом впервые поцеловал. В затылок...

– Я хочу тебя трахнуть с первого дня, как увидел.

На контрасте с нежностью поцелуя его слова прозвучали еще более дерзко. Может быть, неприемлемо даже. Но в тот момент мне, наверное так хотелось услышать именно их... Хотя от кого-нибудь, что вместо того, чтобы поставить дерзкого молокососа на место, я лишь хрипло заметила:

– Да неужели?

– Угу. Ты о наружной рекламе Михе с Максом втираешь, а я представляю, как раскладываю тебя на столе для совещаний.

Господи. Это было так порочно. Так сладко... Знать, что кто-то мечтал обо мне несколько месяцев кряду. Что для кого-то я стала мечтой.

– Боюсь, в зале для переговоров установлены камеры, – я поежилась, потому что он так и стоял позади, обжигая дыханием, но в то же время не позволяя себе ничего лишнего. – Но мы можем поехать к тебе.

Я не помню, как мы спустились. Помню только, что оказавшись в его машине, тут же набросились друг на друга. Страстно целуясь. Олег кусал мои губы, лизал, сосал язык, обхватив лицо ладонями. И это было так крышесносно, что я бесстыже стонала ему в рот. Совершенно обезумев от происходящего, я потянулась к молнии на его брюках, дрожащими пальцами расстегнула ремень. Мне хотелось... Господи, я не знаю... Наверное, мне хотелось доказать самой себе, что я до сих пор желанна. И что я сама еще могу что-то чувствовать.

– С этим лучше подождать до дома, – просипел Олег, поймав мою ладошку.

– Ладно.

Дыша, как выброшенная на берег рыба, я зажмурилась и откинулась на подголовник. Шины взвизгнули. Олег сорвался с места с пробуксовкой, словно он передо мной рисовался. Такое могло прийти в голову разве что какому-нибудь мальчишке. У меня в голове промелькнул закономерный вопрос – какого черта я делаю? И я даже, клянусь, едва его не озвучила. На языке вертелось – «Остановись! Высади меня...». Но будто понимая, что я вот-вот сорвусь с крючка, Олег нащупал мою руку, ободряюще сжал, а после сам ее просунул в свои так и не

застегнутые брюки. Напоминая, мол, детка, ты же сама хотела. Посмотри, как я хорош. О, да... Я инстинктивно сжала пальцы и широко распахнула глаза. Мы как раз выехали из паркинга, и меня ослепили яркие огни города.

– О, господи...

Я никогда... Никогда... Никогда... Не делала ничего подобного.

– Здесь недалеко. У меня студия в центре, – процедил Олег, вдавливая педаль газа. – Жестче!

Я несколько испуганно хохотнула. Это было ненормально, но рядом с этим сопляком, какого-то черта именно я чувствовала себя студенткой на сдаче экзамена. Подсказка? Да это же прекрасно! Я сильнее сжала раздувшуюся головку в кулаке. Олег тихо выругался. И это тоже чуть-чуть приподняло мою самооценку.

– Приехали. Пойдем.

Я не запомнила, на какой этаж мы поднимались. В лифте мы целовались, как безумные. Помню только, как он открыл дверь. Как я скинула пальто прямо на пол... Олег развернул меня волчком. Прошелся голодным взглядом по телу. И рванул полы блузки, так что пуговички дождем упали на пол. А потом прямо поверх лифчика-паутинки впился в сосок губами и одновременно с этим, рывком усадил меня на небольшую консоль для мелочей. Я вскрикнула, когда в мягкую плоть ягодицы впились ключи. Он хмыкнул. Глядя мне в глаза скинул с себя пиджак, рубашку. Положил мои руки на свою грудь. Такой красивый... Подкачанный, загоревший... Я бесстыже исследовала его языком, пока он возился с моей юбкой. И колготками. Прежде чем, не придумав ничего лучше, просто их разодрал и с тем же остервенением принялся драть меня. Бедная консоль скрипела безостановочно, пока он меня накачивал. И вместе с этой консолью скулила я.

Я вскрикиваю, потому что, дотлев, сигарета пребольно обжигает пальцы. Бросаю ее в раковину. Включаю кран. На часах девять, и если я хочу успеть освободить собственную спальню для дочери и ее мужа, мне нужно поторопиться.

То, что случилось тогда – было чудовищной, катастрофической ошибкой. Если бы я знала, к чему это все приведет, ни за что бы не поддавалась искушению. Впрочем, теперь мне остается лишь делать вид, что ничего между нами не было. Что я впервые увидела Олега, когда спустя почти полгода моя Котья привела его в дом...

Глава 5

Звонок звонит раньше, чем я рассчитывала. Гляжу на разбросанное по кровати содержимое комода – трусики, лифчики, колготки. Вот и что с этим всем прикажете делать? Хватаю плед, накрываю разбросанное барахло и выбегаю в коридор, чтобы открыть. Вместо Котьки и Олега на пороге – Победный с сыном.

– Привет. Я вас не ждала так рано.

Собственно, Бориса я не ждала вовсе. Обычно он подбрасывал Мирона к подъезду, тот отзванивался ему, поднявшись в квартиру, и его папенька уезжал. Так мы сводили на нет ненужные встречи. Но, видно, с тех пор, как Победный остался один, у него появилось слишком много свободного времени.

– Вот, пап, я же говорил! А ты – маме надо помочь, надо помочь... – бубнит Мир, пиная носком свой рюкзак.

– Ладно, не ной, – отмахивается Победный. – Где бы мы еще так вкусно позавтракали?

Учитывая, что я, блин, не планировала готовить, вопрос – отпад!

– Так вы еще и не завтракали...

– А что, надо было?

– Я думала, ты приехал помочь, а не нагрузить меня еще и готовкой.

Мир ржет, демонстрируя не до конца прорезавшиеся клыки. Победному хватает совести соорудить недовольную мину.

– Не вопрос. Я закажу в ресторане.

– Вот и закажи. Мир, спрячь свои кроссы в шкаф!

– Папа мне обещал купить Yeezy. Прикинь.

– Супер, – сухо замечаю я. И ведь не сказать, что Борис от него откупается, просто мне не слишком по душе то, что за счет этих подарков он все равно вольно или невольно зарабатывает очки. Я-то не сторонница таких дорогих покупок. Дети не должны получать по щелчку то, что им хочется, только по той причине, что их родители сумели неплохо преуспеть в жизни.

– Мне тоже нужно что-нибудь убрать? Ну, в своей комнате.

– Нет. Котька с Олегом переедут в мою спальню, а я переберусь в кабинет.

– Круто, – не понятно по какому поводу восхищается Мир и убегает к себе, оставив нас с отцом в коридоре. Растерянно гляжу ему вслед.

– Он хочет попросить Олега научить его работать в какой-то 3D-программе.

– Круто, – повторяю я слова сына, не придумав ничего лучше.

Решив, что я уже достаточно уделила внимание бывшему, возвращаюсь в спальню, где у меня еще полно дел. Слышу, что Победный увязывается за мной. Но сделав вид, что в упор его не замечаю, откидываю в сторону плед и принимаюсь складывать белье в стопки. Вряд ли Бориса может шокировать вид моих трусов или лифчиков. Почему-то последняя мысль заставляет меня улыбнуться.

– Миленко у тебя.

Ах, да! Он же тут в первый раз. Окидываю собственную спальню его глазами. Здесь все сделано по моему вкусу, но комната все равно не выглядит женственной. Наверное, слово «миленко» – последнее, что приходит на ум, глядя на ее интерьер. Отделанная деревом стена в изголовье, светлые стены по периметру... Углы. Довольно минималистичная люстра и бра у кровати.

Олегу здесь точно понравится, а вот Котьке – едва ли – проносится в голове, прежде чем я успеваю задушить эту мысль в зародыше.

– Интерьером занималась студия Кирилла.

– Значит, я не ошибся.

С Победным у нас полным-полно общих друзей. С некоторыми мне удалось сохранить отношения, с некоторыми – нет. В основном с теми, кто принимал у себя Бориса с его зазнобой. А после отмечал ее на своих фото в Инстаграм, зная, что я увижу.

Возможно, они решили, что я, как и всякая брошенка, слишком психованная. Плевать. На самом деле для меня друг – тот, на кого можно положиться. Да-да. Мой настоящий друг, узнав, как со мной поступил Победный, не стал бы меня утешать и вытирать сопли. Он ни за что не позволил бы мне расклеиться. А вместо этого, вот, например, как Свиблова, предложил бы его прикончить. Конечно, Ленка шутила, и, конечно, мы бы ни за что не стали этого делать. Он того не стоил. И видно, чтобы я это поняла, Ленка это все и затеяла. Надо сказать, ее поступок я оценила по достоинству. Она же поняла, что в случае чего я тоже буду рядом. Дружить я умею. Как и любить.

Свиблова как-то заметила, что меня мог бросить лишь идиот. И это правда. Жаль, что развод заставил в том меня усомниться. В противном случае, мне бы удалось избежать самой главной ошибки в жизни.

Хотелось бы мне сказать, что спустившись на дрожащих ногах с той злосчастной консоли, я вдруг вспомнила о женской добродетели и, застыдившись собственного порыва, сбежала. Но ведь ни черта подобного не произошло. Слезть я, конечно, слезла. По ногам, по так и не снятым колготкам текло... И мне казалось, что это не просто его сперма. Это моя боль. Моя забродившая тоска. Мои слезы, которые я не позволила себе выплакать.

– Ты просто охуенная. – Олег коснулся моих изглоданных губ большим пальцем. Его рот был измазан моей красной помадой. Но грязным его делало не это. А слова... Которых совсем не ждешь от такого воспитанного и с виду интеллигентного мальчика. В ответ я надменно вздернула подбородок. Как если бы нисколько в них не сомневалась, не нуждалась в его комплиментах, и уж тем более – в одобрении. Как будто я была королевой, снизошедшей к одному из многочисленных подданных. Да...

Я лгала. Я втирала все, что он говорил, в свои раны, счищала с них заскорузлые струпья неуверенности. И те брались тонкой розовой коркой...

– Где здесь душ?

– Торопишься смыть следы преступления? – спросил он, сжимая в ладони треугольник внизу моего живота.

– Нет. Просто хочу помыться. Если хочешь, можешь пойти со мной.

Он хотел. После мы трахались, стоя под тропическим душем. Олег прогнул меня в пояснице, сам, подстраиваясь, согнул чуть в коленях ноги. Резко вошел и на контрасте медленно, с оттяжкой вышел. И еще... и еще. Пока звуки ванной не наполнились нашими хриплыми животными стонами. Потом мы пили шампанское. И он снова меня имел. На этот раз в кровати. Я не помнила, где я, и кто я. Не понимала, что происходит. Мне казалось, я умру, если это не прекратится. И если прекратится, тоже умру. В какой-то момент я просто отключилась. Проснувшись уже под утро. Рядом спал он... В душной комнате стоял мускусный аромат секса и нашего пота. Еще бы. Олег ни разу не воспользовался презервативом.

Смешно и горько. Но когда ко мне, наконец, вернулся разум, я первым делом помчалась сдавать анализы. Забеременеть я не боялась, потому что у меня стояла спираль. А вот болячек... К счастью, Олег оказался чистым. Убедившись в этом, я постаралась забыть случившееся между нами, как страшный сон. Хотя он этому не способствовал. И искал со мной встречи.

Это жутко... Да-да, по настоящему жутко. Но когда они с Котькой сообщили мне о ее беременности, первой мыслью, что мелькнула у меня в голове, была – он что, вообще не в курсе существования гондонов? Ужасно злясь на этого доморощенного секс-гиганта, я отвернулась от Котьки и совершенно случайно наткнулась на его взгляд. Уж не знаю, не придумала ли я это, но, мне кажется, Олег понял, о чем я подумала. И что вспомнила, тоже понял.

Никогда потом я не чувствовала себя такой грязной.

Грязнее, чем когда он меня испачкал.

Грязнее, чем вообще когда бы то ни было. Мне было так стыдно! Так бесконечно стыдно... Хотя я и понимала, что в тот момент не делала ровным счетом ничего плохого. Откуда мне было знать, как сложится наша жизнь потом? Я даже представить этого не могла... Да и кто на моем месте смог бы?

– Ты водишь его сюда?

Голос Победного, ворвавшийся в мои мысли, заставляет меня вздрогнуть.

– Кого? – туплю я.

– Своего любовника.

– Тебя это не касается. Ты заставляешь меня повторяться.

– Черта с два не касается! Здесь живет мой сын!

Раскрыв от удивления рот, я плюхаюсь на постель.

– Какой же ты лицемер!

– Я? А кто был против, чтобы Мирон познакомился с Кирой?!

– Это другое!

– Почему же?

– Потому что она – пустое место! Даже для тебя пустое. Или ты собираешься знакомить нашего сына со всеми, кого трахаешь?

– Так, значит, тот, кто трахает тебя – особенный? У вас серьезно?

– Если я надумаю выйти замуж – ты узнаешь об этом первый. А пока – на, вот, отнеси эти коробки в кабинет.

Победный весь набычивается, но возражать не смеет. Видно, понимает, что в своих претензиях заходит слишком далеко. Если бы я не знала, что это абсолютно невозможно, решила бы, что Ленка права. И он действительно прощупывает почву, надумав вернуться. Но правда в том, что Победный, как та собака на сене. Сам не гам, но другому не дам. Он был таким, и остался. Некоторые вещи в жизни никогда не меняются, чтобы с нами не происходило.

Впрочем, помогать мне с коробками Борис не спешит. В комнате жарковато. Знакомым до боли жестом он стаскивает свитер через голову и остается в простой белой футболке Lacost. Ее белизна красиво подчеркивает свежий загар Победного. Перед тем, как бросить, он свозил свою зазнобу в Дубай. Об этом писали все светские каналы в Телеге.

– Миленькие, – замечает он, сминая в крупных пальцах случайно упавшие на пол трусики. Глядя мне в глаза, потирает хлопковую вставку. – Слушай, а ты для меня такие надевала?

Да! И не только такие. У нас было много хороших моментов. Просто ты их очень быстро забыл. Но в слух я в том ни за что не признаюсь. Вместо ответа выдергиваю из Борькиных рук трусы, складываю их на общую стопку с бельем и шагаю прочь из спальни. Через несколько минут приходит Борис с коробками. В одну я сложила книги, которые люблю почитать перед сном. В другую – парфюмерию и косметику. Кремы, лосьоны, духи... Всякие милые женские штучки. Я оставляю их не распакованными и вновь возвращаюсь в спальню. Перестилаю постельное, включаю машинку.

– Поможешь перетащить тренажер?

Должен же быть от Победного хоть какой-то толк!

– Ты, наверное, единственная моя знакомая женщина, которая использует его по назначению.

– Ну, тем, с кем ты предпочитаешь встречаться, они, как правило, и не нужны.

– Осторожно, а то еще немного, и я решу, что ты ревнуешь... – пыхтит Борис, вытаскивая в коридор беговую дорожку. Та достаточно тяжелая. Но Победный сильный, как бык. В свое время меня это зачаровывало. Казалось, не существует такого, что бы не было ему по плечу.

– Погоди, у меня телефон... Хм... Марина.

– А этой еще что надо?

Пожимаю плечами. По понятным причинам, Коткина свекровь прилично меня старше, но у нас сложились неплохие отношения. Я благодарна ей, что та не стала давить на Олега, когда Котька заболела. Ведь знаете, как бывает? Да, наверняка знаете. Ни одна мать не мечтает о такой судьбе для своего сына.

– Привет, Марин.

– Привет! Слушай, я тут узнала, что Олег с Котей собираются к тебе переехать.

– Ага, я как раз освобождаю им комнату.

– По этому поводу я и звоню! Это ж никуда не годится... Тебя из собственного дома выживать. Я так Олегу и сказала! Мужчина он – или кто? Если им важно жить поближе к больнице, мог бы подыскать что-то на съем.

– А он что?

– Он так и хотел. Но Катя уперлась. Наверное, ей в такой момент хочется быть поближе к маме. Что, в общем-то, мне понятно.

«Он так и хотел»... Что ж... Это не может не радовать.

– Ну, и ладно. Они мне не помешают, а я им уж тем более.

В трубке повисает странная пауза. Марина не торопится с ответом. И, хоть это может означать что угодно, у меня на руках приподнимаются волоски, а за грудиной растекается паника.

Как будто Марина о чем-то знает...

Но такого просто не может быть!

– Ты уверена?

– Да, – я судорожно облизываю пересохшие губы. – Конечно, Олег сказал, что сам справится, я это очень ценю. Но ты же сама понимаешь, для мужчины это может быть тяжело.

– Дай бог, чтобы мы отделались малой кровью.

– И не говори, – бормочу я, с трудом подавляю вздох облегчения, готовый сорваться с губ.

– Может, тебе нужна какая-то помощь? Я могу подъехать.

– О, нет, Марин. Не беспокойся. Тут Борис, да и не так уж много у нас работы. Но, как все устроится, ждем вас с Михаилом в гости.

Глава 6

– Нет, это немыслимо! Куда ты пропала?! Звоню-звоню... Я же переживаю. – Ленка падает в кресло напротив моего. В кои веки я добралась до ресторана первой.

– Прости. У нас такое происходит...

– Да я уж поняла. И что за беда приключилась на этот раз?

– Котька... – я вздыхаю, делаю щедрый глоток вина – без допинга рассказать о том, что случилось, сложно, и выкладываю Свибловой все подчистую.

– Постой-постой! Ты хочешь сказать, что они живут у тебя?

– Угу. А тебя только это волнует?

– Нет! Но... Саш, ты же понимаешь, как это странно?

– Еще одна! – закатываю глаза. – Да почему странно-то?

– Потому что ты с Олегом...

Да-да. Мне пришлось рассказать Ленке о том, что тогда случилось. Просто потому, что я не могла держать все это в себе.

– Лен, стоп. Это когда было?

– Не так уж и давно. Что, если он опять начнет к тебе подкатывать?

– Ты спятила? Ничего такого и близко не было. Ни разу. И уж, конечно, не будет. Он любит Котьку. Я этому рада. Или ты сомневаешься? – шокированная этой мыслью, я с силой стискиваю пальцы на кожаной папке меню.

– Нет, конечно. Господи! Котька твоя дочь. К тому же ты сама его отвадила. Еще до того, как они познакомились.

– Вот именно. Это было один раз, что ж мне теперь до конца жизни об этом думать? Так и до дурки недалеко.

– Не знаю, Саш. Одно дело, когда вы в разных концах города живете, и другое, если под одной крышей. Я помню, как упорно он тебя добивался.

– С тех пор утекло много воды, – я отвожу взгляд. Вспоминать о том времени мне не хочется категорически. Трудно объяснить, какой невыносимый стыд я испытывала, когда Олег приезжал или звонил, предлагая повторить или даже просто встретиться снова.

– Хм... Ну, и как выживаетесь?

– Еще не знаю. Они переехали всего пару дней назад.

И эти дни, надо заметить, прошли более менее нормально. В первый вечер Победный заказал домой праздничный ужин. Олега я вообще не замечала, не сводя глаз с Котьки. Подкладывала ей в тарелку еды, то и дело ее касалась. В общем, вела себя, как наседка, и ничего не могла с собой поделать. Может, она и была взрослой. Но не для меня.

– А он как себя ведет?

– Да нормально. Мы почти не видимся.

– Ты его сознательно избегаешь? Или он тебя?

Избегаю ли я Олега? Нет. Наверное, нет. Ведь в противном случае это будет означать, что мне на него не все равно. Скажем так, я просто стараюсь вести себя ровно. Соблюдать баланс. И его сдержанное поведение этому способствует. Как будет потом – не знаю. Меня вообще это все волнует в последнюю очередь. Все мои мысли о Котьке и ее благополучии.

– Еще чего! Чтобы он решил, будто у меня для этого есть причина? Не-е-ет. Просто я встаю, когда они еще спят. Я-то Мира отвожу в школу.

– А вечером?

– А вечером я стараюсь им с Котькой не мешать. Вчера они, кажется, смотрели какое-то кино. Кто меня беспокоит – так это Мирон. Вот, от кого фиг отделаешься. Ну не понимает

он, что двум взрослым людям иногда нужно побыть одним. А как ему на это намекнуть – я не знаю. Хоть бери его и взащей выгоняй из их спальни.

– Слушай, а ты думаешь, они трахаются?

– Лен! Какого хрена? Я вообще об этом не думаю.

– Да не кипятись ты. Мой вопрос вполне закономерен. Если Котька больна, ей может быть совсем не до этого.

Да, этого нельзя исключать. И, может, мне как матери стоило бы с ней это обсудить. Я бы так и сделала, не будь у меня с ее мужем в прошлом того постыдного инцидента. Разузнала бы, что да как, посоветовала бы ей что-то. А теперь, будь оно все проклято, не могу... Не чувствую себя в праве. Я как будто поневоле стала заинтересованной стороной. Полнейший идиотизм и глупость, учитывая, что между нами с Олегом все давным-давно в прошлом.

– Я в эту сторону их жизни не лезу. Они взрослые люди и сами со всем разберутся.

– Хм...

– Даже знать не хочу, что означает это твое хмыканье.

– Ладно. Проехали. Лучше расскажи, как Котька переносит химию?

– Пока ничего, – улыбаюсь, не скрывая своего облегчения. – Она настоящий боец.

– Ты была рядом?

– Угу. На первой процедуре. А сегодня очередь Олега. Кстати, почему-то они не звонят...

– Так, слава богу, мать. Если бы что-то случилось – позвонили бы первым делом.

– И то так. – соглашаюсь я, но расслабиться все равно не получается. Я сижу и вздрагиваю каждый раз, когда слышу телефон. Осознав всю тщетность моих попыток отвлечься, сворачиваю наши с Ленкой посиделки и еду домой. То ли чтобы облегчить мне жизнь, то ли чтобы скрасить свою, Победный соизволил забрать к себе Мира с ночевкой. Хотя обычно, среди недели, он этого не практиковал. С молодой любовницей ему было как-то не до сына.

Поднимаюсь в квартиру. Вставляю ключ в замок, кручу, а тот ни в какую. Похоже, кто-то бросил дверь открытой. Тяну ручку на себя.

– Добрый вечер, – с трудом заставив себя улыбнуться, гляжу на обвешанного пакетами зятя. Тот опередил меня совсем на чуть-чуть. Вот поэтому, наверное, дверь и открыта.

– В холодильнике совсем пусто. Я взял на себя смелость купить продуктов. Вы не против? Растерянно качаю головой:

– Нет, конечно. Прости. Вы тут голодные сидели, что ли?

Черт-черт-черт! Вот это я дала маху. Наверное, Котька рассчитывала на меня и в таких мелочах. Но мы не обсуждали, как будем вести общий быт – вот я и опростоволосилась. Хорошая же из меня вышла помощница.

– Да я только зашел, – хмурится Олег.

– Ясно. Я сейчас что-нибудь приготовлю. Только руки вымою и к Котьке зайду. Что-то ее не слышно.

Справедливо рассудив, что если Котька одна, вряд ли я могу ее потревожить, осторожно заглядываю в спальню, которая еще недавно была моей. Прошло всего несколько дней с тех пор, как я съехала, а здесь даже воздух стал другим. Более густым и тяжелым.

Котька неподвижно лежит на кровати. Меня охватывает иррациональный страх. Я подхожу ближе и осторожно касаюсь ее темных и пока что густых волос. Она осоловело моргает:

– Мам?

– Привет. Ты как?

– Нормально.

Врет. Вижу, что сегодня ей хуже. А ведь самые «нехорошие» препараты, с точки зрения реакции на них, у нас еще впереди. Я ласково улыбаюсь, отвожу от лица моей девочки шелковистые прядки.

– Что приготовить на ужин? Там Олег столько всего накопил!

– Я ему написала список.

– Правда? Ты ужасно хозяйственная, – дразню Котьку, сморщив нос. – Так что тебе приготовить?

– Ничего не хочу.

– Нет, так дело не пойдет, дорогуша. Есть надо, и тебе это прекрасно известно.

– Ну, приготовь тогда плов. Олег любит плов. А мне все равно.

Бросаю беглый взгляд на часы. Я устала, как собака. Будь я одна – перекусила бы тостом с авокадо и забралась бы с книжкой в постель. Но теперь что? Как вариант – нанять на будущее домработницу.

– Давай я приготовлю плов на выходных, а сейчас забацию что-нибудь на скорую руку? Иначе твой Олег так и помрет голодным.

– Я помогу... – вызывается Котька, хотя я вижу, что ей совсем не до этого.

– Лучше отдыхай.

Целую дочь в круглую щечку и иду к себе, чтобы переодеться. Кабинет пока больше походит на склад. Вещи-то я перенесла, но разобрать их пока не дошли руки. Надеваю джинсы, свободную футболку, возвращаюсь в кухню и застаю хозяйничающего там Олега.

– Что ты хочешь найти?

– Соль и перец.

– Они вот здесь. Не знала, что ты умеешь готовить.

– Натереть стейк трески специями и бросить его на сковородку могу даже я. И, кстати, вы многого обо мне не знаете.

Меньше всего мне хочется это обсуждать. Проигнорировав выпад зятя, я вполне доброжелательно, интересуюсь:

– Мне тебе не мешать? Или все же помочь чем-то?

– А как вам хочется?

– Мне хочется, чтобы вам с Котькой и тебе в отдельности было комфортно. Если ты привык готовить сам – я могу уйти, чтобы не путаться под ногами.

Олег несколько расслабляется:

– Да нет. Все нормально. Что вы. Вот... Порежьте салат.

Наверное, мне придется постараться, чтобы не оглядываться на каждый свой шаг. И не прикидывать в уме, насколько нормальны те или иные вещи. Пусть даже такие банальные, как совместная готовка. А пока внутренний радар чутко бдит. И я буквально каждое свое действие просеиваю через мелкое-мелкое сито допустимого. В этот раз придаться вроде бы не к чему. Мы просто готовим ужин в четыре руки. И все. Я подсказываю Олегу, где включается вытяжка, и, не сумев сдержать улыбки, указываю на то, что он забыл добавить масла на сковородку. А после принимаюсь шинковать овощи на салат.

– Вместо таких помидоров лучше брать помидоры-черри.

Надеюсь, он не примет мои слова за нравоучения. Просто в это время года действительно сложно найти хорошие помидоры.

– Я учту. Катя их любит.

– Да... Я знаю. Похоже, сегодня ей нелегко пришлось. В следующий раз звони мне, если такое случится.

– Зачем? Чтобы испортить день еще и вам?

Я сжимаю пальцы на ноже, принуждая себя проглотить слова, что вертятся на языке. И подобрать новые, менее резкие.

– Нет. Чтобы я была в курсе самочувствия дочери.

Интересно, Котька знает, что, видите ли, испортила ему день?

– Ясно.

Что ему, мать его, ясно? Я, вот, допустим, ничего не понимаю. Со скрежетом сметаю ножом с доски колечки сладкого лука.

– Значит, мне тебе не звонить?

Я на него не смотрю, слишком злая, и, тем не менее, «вижу», как он оборачивается через плечо. Гудит вытяжка, на сковородке шипит масло. Мне приходится говорить чуть громче обычного. По крайней мере, свой тон я оправдываю именно этим.

– В каком смысле?

– Мне не звонить тебе, если ей будет плохо? Чтобы не портить день?

Да-да, вряд ли мне удастся скрыть осуждение в голосе.

– Я передал вам слова Кати. Не более.

Бледный румянец касается моих скул и соскальзывает на шею. Похоже, поспешив с выводами, я выставила себя полной дурой.

– Ладно, – лепечу я. – Салат готов. Если я тебе больше не нужна, пойду к себе. Поработаю. Мир сегодня ночует у отца, так что...

– Что?

– Вас никто не потревожит, – глядя куда угодно, но не в его глаза, поясняю я. – Ну, хорошего вечера.

– Ты до сих пор обо мне невысокого мнения, правда?

Я застываю у выхода и, не поворачивая головы, твердо замечаю:

– Нет. Это не так. И, кстати, на ты мы не переходили.

Возвращаюсь к себе. Плотно прикрываю дверь. В ушах на бесконечном репите прокручивается:

«Ты до сих пор обо мне невысокого мнения, правда?»...

Нет. Нет, он не прав. Я оценила, что он остался с Котькой в самый сложный момент. В самом деле, оценила. И скорее тут верно другое замечание Олега. О том, что я совершенно его не знаю. Я не дала ему ни единого шанса раскрыться. Потому что испугалась сама себя. Он ведь пытался и встретиться снова, и спокойно обсудить то, что произошло. Но я... струсилась, да. А потом, когда случилась вся эта история с Котькой... не знаю... Наверное, мне было так стыдно, что я предпочла сделать вид, будто он для меня невидим. Жаль, что я не могу оставаться на этой позиции и теперь, когда мы живем бок о бок. Так просто не может продолжаться. Возможно, пришел момент поговорить? Объясниться. Может, даже найти в себе силы посмеяться над тем, что было. И отпустить прошлое, с расчетом на то, чтобы каждый раз теперь не оглядываться на то давнее происшествие и исключить любые двусмысленности. Ведь если что меня и напрягает, то только они. Но где взять на это силы? Как правильно начать разговор, как себя повести? Или, может, не стоит ворошить прошлого? Вдруг оно только меня тревожит, а он уже и думать о том забыл? Как понять? Может, подождать какого-то шага от Олега? В конце концов, именно он мужчина. Ну, да... А я мудрее и старше. Ч-ч-ерт.

Растираю лицо ладонями и открываю ноутбук. Хочешь отогнать непрошенные мысли – садись за работу. Это правило меня еще никогда не подводило. Но вместо того, чтобы заняться делом, я зачем-то утыкаюсь в Инстаграм. А там уведомление о том, что на меня подписался Победный. Ну, надо же... Интересно, как скоро это заметят те, кто не так давно писал дерьмовые статейки вроде «Победные отписались друг от друга в соцсетях. Самый громкий развод этого года».

Пока я размышляю, стоит ли подписываться на Бориса в ответ, за дверью кабинета начинается какое-то движение. Я составляю Мак с колен и крадусь на цыпочках через комнату.

– Что значит – я не могу, отец?! Это мой проект. Какого... Да, конечно, я понимаю. Но... Да послушай же ты меня! Как вы могли в принципе обсуждать это все за моей спиной?! Черт его дери, меня не было в офисе всего пару часов! Нет... Я не мог быть! И ты это знаешь. У меня

жена... Что? Ты серьезно вообще?! – Олег все сильнее распаляется, потом резко замолкает и лупит по двери. Та распахивается настежь, не выдержав удара, и летит прямо на меня.

Глава 7

– Твою мать! Ты как, в порядке?

Я киваю. На обратной стороне зажмуренных век взмывают искры. Ощупываю скулу пальцами.

– Нужно лед приложить.

– Пойдем! – Олег хватает меня за руку и тащит за собой по коридору. Я, конечно, успела немного смягчить удар, вовремя отскочив, но избежать его полностью не получилось. Тянусь к морозилке. – Сядь... те. Я все сделаю сам.

Послушно усаживаюсь на стул. Интересно, сколько времени понадобится современным женщинам, чтобы избавиться от этого пещерного рефлекса – делать то, что говорит мужик? На автомате. Прежде чем успевает включиться мозг, способный пресечь на корню эту постыдную готовность покориться чужой воле?

– Обмотай только полотенцем. Ой... – морщусь, когда щеки касается кусок замороженной вырезки.

– Извини... те. Я не знаю, как так получилось.

– Ты просто распахнулся.

Олег застывает, зарывшись пятерней в волосы. Медлит, будто готовится мне возразить, но, в конечном счете, напротив, неожиданно соглашается и снова переходит на ты.

– Да. Наверное. Ч-черт. Думаешь, синяк будет?

– Если и будет, то небольшой. Я не успела подойти к двери ближе, – вру, не желая признаваться в том, что подслушивала.

– Впредь постараюсь вести себя потише.

– Да мне-то что? Я про Котьку подумала, вот и решила посмотреть, что случилось. Часто у вас такое?

– Как сказать. Отец, как и ты в свое время, не видит причин со мной считаться.

Я вскидываю взгляд. Неужели это тот самый повод? Наконец все прояснить.

– Извини. Мне жаль, что так вышло. Я не хотела задеть твоих чувств, – шепчу, облизав пересохшие губы.

– Ты вообще о них не думала. Я даже не понимаю, зачем тебе понадобился. С таким же успехом ты могла помастурбировать.

Моя челюсть шокированно отъезжает, а взгляд устремляется к двери, которую никто из нас не посчитал нужным прикрыть, как следует.

– Тише ты! – шикаю я. – Господи! Как ты можешь меня в этом обвинять?! Ты же сам хотел исключительно секса. Ну?! Разве я не права?

– Нет.

Я смотрю на него и не верю. Он не может говорить об этом всерьез!

– Послушай, теперь ведь это не имеет значения, правда? Вы – отличная пара с Котькой. И знаешь, я никогда тебе этого не говорила, но я правда очень рада, что ты у нее есть. Да-да, ей с тобой по-настоящему повезло...

– Неужели я это слышу?

Вскакиваю, как будто меня поймали на чем-то постыдном. Олег, сидящий все это время у моих ног на корточках, отшатывается и, чтобы не упасть, упирается ладонью в пол.

– Коть... Ты чего встала? Проголодалась, да?

– Нет. Да ты говори-говори, я с радостью послушаю.

– Что послушаешь, милая?

– Ну, как что, мам? Как ты нахваливаешь моего мужа, ясное дело. Я уж думала, вы с папой никогда не одобрите мой выбор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.